

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

П. М. Мовчанюк

**КИТАЙЦЫ В ИНДОНЕЗИИ В ГОДЫ
«НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ»
(1957—1965)**

Положение китайского национального меньшинства в Индонезии в 1957—1965 гг., равно как и политика индонезийских властей по отношению к китайскому населению, может быть понято лишь с учетом комплекса внутри- и внешнеполитических факторов, составлявших суть исторического процесса Индонезии в период «направляемой демократии».

Предпосылки возникновения «направляемой демократии» (иногда называемой также «руководимой демократией»), анализ и критика ее, особенности и характер классовой и политической борьбы в Индонезии тех лет подробно и основательно рассмотрены советскими учеными А. Ю. Друговым и А. Б. Резниковым [9]. Проблемам национального строительства, формирования и развития национально-этнических процессов, складывания национального рынка в условиях современной Индонезии посвящены работы Ю. В. Маретина [12; 13; 14]. Некоторые аспекты внешней политики Индонезии в указанный период изложены в монографии Н. П. Малетина [11]. Экономика и экономическая политика отражены в работах В. Я. Архипова [8], Л. Ф. Пахомовой [23], М. А. Андреева [6; 7] и др.

Специальные работы советских ученых, посвященные изучению различных аспектов положения китайского меньшинства в Индонезии в 1957—1965 гг., отсутствуют, хотя научная и политическая значимость проблемы очевидна¹. Исследования индонезийских авторов представляют определенный интерес с точки зрения содержащегося в них фактического материала и различной трактовки «китайской проблемы»². В западной буржуазной

¹ Некоторые вопросы положения китайцев в Индонезии послевоенных лет затронуты в исследованиях Н. А. Симонии [24], М. А. Андреева [3; 4], Ю. В. Маретина [14]. О положении китайцев в Индонезии в 70-х годах писали Ю. А. Алешин [2], М. А. Андреев [3; 4].

² Об индонезийской историографии см. [21].

историографии, главным образом американской, этой проблеме уделяется большое внимание³.

Индонезийский национализм против китайского национализма

В значительной степени политика индонезийских властей в отношении китайского меньшинства — это проблема индонезийского национализма. В силу этого она глубоко противоречива и крайне сложна для изучения. Во второй половине 40-х годов, когда стояла общенациональная задача по защите суверенитета страны, индонезийскому национализму были присущи положительные, прогрессивные черты: развитие почти всех классов и слоев общества шло в русле антиимпериалистической борьбы. В первой же половине 50-х годов индонезийский национализм проявляет свою двойственность. С одной стороны, нерешенные задачи национального этапа индонезийской революции (кабальные соглашения с Нидерландами, экономическая зависимость от бывшей метрополии и др.) диктовали индонезийскому национализму революционно-демократическое содержание, с другой — необходимость проведения социальных преобразований (и как следствие этого раскол единства национальных сил и усиление классовой борьбы) вела к тому, что у индонезийского национализма обнаружились реакционные черты.

К 1957 г. общенациональная задача укрепления внешнеполитической независимости в основном была решена. Индонезийская революция подошла к этапу социальных преобразований. С целью укрепления центральной и личной власти, а также для предотвращения обострения классовой борьбы Сукарно ввел в 1957—1960 гг. систему «направляемой демократии», краеугольным камнем которой являлась утопическая концепция о национальном, идейном и социальном единстве индонезийского народа. В индонезийском национализме под ширмой «социализма» и революционной фразеологии постепенно все четче стали проявляться реакционные черты.

Хотя проблема китайского меньшинства в политике правящих кругов Индонезии обострилась, как уже говорилось, в значительной степени в связи с ростом индонезийского национализма со всеми его противоречиями, следует иметь в виду, что на всех этапах эволюции индонезийского национализма буржуазия китайского меньшинства почти всегда преследовала и боролась за свои узкоклассовые и узкоэтнические интересы, что создавало и поддерживало реальные противоречия между индонезийским национализмом и национализмом китайского меньшинства. Поскольку политически и идеологически национализм

³ Об исследовании индонезийских китайцев учеными Запада и США см. [19; 20].

китайского меньшинства в значительной степени был обращен в сторону родины предков и почти всегда находил там поддержку, постольку эти противоречия затрагивали и сферу межгосударственных отношений.

С одной стороны, протест трудящихся против эксплуатации, с другой — борьба индонезийской буржуазии за право монопольно, без помех эксплуатировать свой народ. С одной стороны, обоснованная ненависть к китайской буржуазии как разновидности эксплуататорского слоя, с другой — стремление направить чувство социального протеста индонезийских эксплуатируемых слоев по каналам расовых выступлений, чтобы отвести удар от собственно индонезийской буржуазии. С одной стороны, законное возмущение стремлением китайцев к исключительности, кастовой замкнутости, чувством их расового превосходства и т. д., с другой — бесплодные попытки решить эту проблему путем принудительной ассимиляции, лишить китайское меньшинство возможности сохранить элементы национальной культуры. Таковы основные противоречия проблемы китайского меньшинства в Индонезии.

В данной статье основное внимание уделено политике ассимиляции, проводимой индонезийскими властями в отношении китайского населения.

Экономические позиции китайцев в Индонезии

В Индонезии издавна проживало большое число китайцев. В свое время колониальные власти поощряли иммиграцию китайцев в Нидерландскую Индию. Если в 1860 г. китайцев в стране было 221 тыс., в 1930 г. — 1233 тыс. [71, с. 86], то в начале 1960 г. их стало 2,45 млн., по одним источникам [58, с. 98], и около 3 млн. — по другим [58, с. 99]⁴. Они пустили в Индонезии глубокие корни, в необходимой мере освоили язык страны, нравы и обычаи, обзавелись имуществом, преуспевая в различных деловых начинаниях, особенно в торговле [16].

После достижения Индонезией независимости ведущие позиции китайского капитала в экономике страны сохранялись. Слабость индонезийской национальной буржуазии, неподготовленная национализация собственности голландских компаний при неспособности государственного сектора занять ведущие позиции в индонезийской экономике, а впоследствии и его банкротство, широкие связи китайского капитала с международным — все это создавало благоприятные условия для функционирования китайского предпринимательства.

В начале 50-х годов позиции китайского капитала в про-

⁴ По индонезийским данным, общее число китайцев в Индонезии к началу 1980-х годов превышало 5 млн. [36а, с. 7].

мышленности были прочнее индонезийского. Так, например, из 574 предприятий, в основном обрабатывающей промышленности Восточной Явы, свыше 400 принадлежали китайцам [54, с. 244]. В Большой Джакарте китайская буржуазия владела 96 типографиями из 152, а индонезийская — 36 [52, с. 345]. В провинции Северная Суматра в районе Аче китайскому капиталу принадлежало 64,5% всех имеющихся предприятий, на Восточной Суматре (так же как и Аче, административно входившей в первой половине 50-х годов в состав Северной Суматры) — 72%, в то время как индонезийскому — 25%, иностранному — 3% предприятий [55, с. 643]. Аналогичное положение наблюдалось и в других провинциях Индонезии, равно как и в остальных отраслях промышленности. Например, данные по Палембангу о занятости различных этнических групп в производстве каучука также убедительно подтверждают вывод о сильных позициях китайского капитала в экономике Индонезии [67, с. 161].

Год	Индонезийцы, %	Китайцы — граждане Индонезии, %	Китайцы- иностранцы, %	Общее производство, тыс. т
1954	5	28	67	40,5
1955	3	37	60	82,2
1956	5	35	60	75,8
1957	5	34	61	85,9
1958	5	32	63	94,1
1959	6	33	61	94,1
1960	7	30	63	76,3
1961	11	37	52	71,4
1962	10	38	52	82,5
1963	11	39	50	69,6
1964	12	48	40	68,3
1965	7	66	27	71,5

Таким образом, позиции китайского капитала в обрабатывающей промышленности отдельных районов Индонезии и в целом по стране были довольно прочными и глубокими. Как правило, предприятия китайского капитала превосходили индонезийские своими мощностями, энергетической вооруженностью, занятостью наемных рабочих, объемом выпускаемой продукции.

В условиях островного характера государства и неразвитости железнодорожного транспорта внутри отдельных островов автомобильный и судоходный транспорт приобретает особую важную роль [12, с. 63—64]. Капиталовложения китайцев в транспорт, преимущественно в автомобильный, в начале 50-х годов были сравнительно высокими. Так, например, в провинции Западная Ява на долю китайского капитала приходилось 1030, индонезийского — 401, иностранного — 172 автотранспортных предприятия [53, с. 321]. И в судоходстве позиции китайской буржуазии были сильнее, чем у национальных предпринимателей [53, с. 277].

Традиционно прочны позиции китайского капитала во внут-

ренной и внешней торговле. В конце 50-х годов, согласно подсчетам индонезийских ученых, в крупной торговле действовало 1364, в посреднической — 28 743 и в мелкой и розничной — 91 212 китайцев — граждан КНР [59]. С учетом же китайцев — граждан Индонезии удельный вес китайского капитала, функционировавшего в сфере торговли и финансово-кредитной системе, значительно возрастает. В середине 60-х годов функционировало свыше 420 тыс. торговых и складских компаний [64]. По признаку гражданской принадлежности соотношение численности крупных, посреднических и мелких торговых компаний, согласно принятому у индонезийских экономистов делению, выглядело следующим образом [64]:

Вид торговли	Общая численность компаний	В том числе компаний китайцев-иностранцев
Крупная	12 029	1 365
Посредническая	90 611	28 696
Мелкая	317 568	92 128
Итого . . .	420 208	122 189

В конце 60-х годов китайцы контролировали около 30% оборотного капитала и до 70% всех финансовых вложений в экономику Индонезии [12, с. 59].

Как видно из приведенных данных, наибольшая часть китайских торговцев сосредоточена в посреднической и мелкой торговле. Значение этой категории торговцев исключительно велико в механизме воспроизводства национального продукта. В силу сложившихся исторических и экономических условий они, с одной стороны, выполняют заготовительно-сбытовые функции, а с другой — ссужают мелких производителей необходимыми суммами⁵.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «...скупая изделия (или сырье) в массовых размерах, скупщики таким образом удешевляли расходы сбыта, превращали сбыт из мелкого, случайного и неправильного в крупный и регулярный, — и это чисто экономическое преимущество крупного сбыта неизбежно повело к тому, что мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала. Таким образом, в обстановке товарного хозяйства мелкий производитель неизбежно попадает в зависимость от торгового капитала в силу чисто экономического превосходства крупного, массового сбыта над разрозненным мелким сбытом» [1, с. 359—360].

⁵ Советский ученый Н. А. Симония впервые показал эволюцию торговоростовщического капитала в странах Азии и его место в системе капиталистических отношений в странах Востока [25; 26]. На некоторые сходные особенности китайского ростовщического капитала в Индонезии указывали Сумитро, американские исследователи Гиртц и Дьюи [63; 37; 34].

Объективная реальность индонезийской экономики полностью совпадает в этом аспекте с ленинскими положениями. Осознание индонезийскими властями этой реальности имеет огромное значение не только для выработки общей стратегии экономического развития, но и для проведения соответствующей практической политики в отношении торгового капитала вообще, а китайского капитала в особенности.

О социальной структуре китайского меньшинства дают представленные результаты обследования Сукабуми — одного из городов Западной Явы, проведенного в середине 50-х — начале 60-х годов [39, с. 38]. В 1956 г. в городе проживало 67 тыс. жителей, в том числе свыше 10 тыс. китайцев [39, с. 33]. К 1963 г. население возросло до 88 тыс. человек, число китайцев увеличилось до 12 тыс. [38, с. 156]. 77,2% китайской общины города составляло самостоятельное население. Наибольшая часть его — 69,6% — была занята в торговле [39, с. 36]; подавляющее большинство этой категории владело небольшими магазинами, киосками и прочими мелкими торговыми заведениями [39, с. 33]. Вторую большую социальную категорию составляли лица наемного труда — 30%. Удельный вес рабочего класса был невелик — 10,4% [39, с. 36].

О динамике занятости китайского населения свидетельствуют следующие данные. В 1930 г. в сфере производства сырьевой продукции было занято 1,2% китайского населения города, а в 1956 г. не было зарегистрировано ни одного человека, в промышленности — соответственно 21,4 и 10,5%, в транспорте — 4,5 и 3,5%, в торговле — 55,5 и 69,6%; доля рабочего класса упала с 15,7 до 10,4% [39, с. 36]. Нестабильность политического и экономического положения в стране, дискриминационная политика индонезийских властей побуждали китайцев сворачивать или сокращать производственные мощности в промышленности или сельском хозяйстве и разворачивать предпринимательство в непроизводительных отраслях.

Однако даже в городском секторе промышленности, несмотря на неблагоприятную, казалось бы, обстановку, позиции китайского капитала были сильнее. По состоянию на 1956 г., в Сукабуми было зарегистрировано 385 предприятий различных отраслей промышленности, 185 из которых принадлежали китайцам и 183 — индонезийцам [39, с. 35].

В 1963 г., когда проводилось второе обследование, позиции китайского капитала в промышленности города по-прежнему оставались прочными. В монопольном владении китайской буржуазии находились текстильные предприятия, рисоушки, фабрики по производству арахисового масла и т. п. [38, с. 164]. Усилились позиции китайцев к 1963 г. в плантационном хозяйстве. В ходе национализации голландской собственности многие принадлежавшие голландскому капиталу плантации перешли в руки китайской буржуазии. Из 111 расположенных около Су-

кабуми плантаций в собственности китайского капитала находились 85 [38, с. 169]. 75% грузового и легкового автопарка Сукабуми являлись собственностью китайцев [38, с. 169]; городской таксомоторный парк наполовину принадлежал китайцам. Транспортные средства, которые находились во владении индонезийцев, были в плохом техническом состоянии и не выдерживали конкуренции. В 1963 г. в городе насчитывалось 284 магазина, 241 из них владели китайцы [38, с. 170]. Большое количество китайцев занималось розничной торговлей как в пределах города, так и вне его, обслуживая крестьян близлежащих деревень.

Данные двух обследований убедительно показывают прочность позиций китайского капитала во всех отраслях городской экономики. В монопольном владении китайцев находились жизненно важные промышленные предприятия, китайская буржуазия контролировала транспорт и доминировала в торговле. Другими словами, китайский капитал активно и органически участвовал в расширенном производстве, являясь необходимым и важным элементом механизма расширенного воспроизводства в Индонезии.

Правовое положение

Как отмечалось выше, по оценкам зарубежных буржуазных ученых, в начале 60-х годов в Индонезии проживало не менее 2,45 млн. китайцев. Изучение проблемы гражданства китайского населения в Индонезии имеет ряд сложностей. Статистические данные, приводимые учеными и государственными деятелями, являются весьма приблизительными и подчас служили и продолжают служить определенным политическим целям. Нередко руководители Индонезии, а вслед за ними и буржуазные исследователи Запада и Индонезии рассматривают национальный статус китайского населения в качестве критерия его политической лояльности. Подобный критерий очень зыбок и далеко не отражает реальное положение вещей хотя бы потому, что в основе политических симпатий прежде всего лежит классовая принадлежность населения. Вместе с тем, вероятно, нельзя недооценивать и некоторые другие факторы, в том числе и особенности государственной политики в отношении китайского меньшинства.

Национальный статус китайского населения в Индонезии был различен. В начале 60-х годов, по подсчетам американского исследователя Скиннера, он выглядел таким образом: китайцев — граждан КНР — 1,25 млн., лиц с двойным гражданством — 1 млн. и китайцев — граждан Индонезии — 200 тыс. человек [58, с. 111—112]. В соответствии с Соглашением о двойном гражданстве, подписанным руководителями Индонезии и КНР

в 1955 г., но ратифицированным только в 1960 г., из 1 млн. китайцев с двойным гражданством индонезийское подданство приняли 600 тыс. китайцев (по индонезийским официальным источникам). Китайское руководство определяет численность китийцев, принявших индонезийское гражданство, в 700—900 тыс. человек [60, с. 34].

Для понимания правового положения китайцев — граждан КНР в рассматриваемый период необходим небольшой исторический экскурс. Как известно, конституция КНР, одобренная в 1954 г. Временным народным политическим консультативным советом, приравнивала китайцев, постоянно проживающих за пределами КНР, к гражданам КНР [4, с. 72]. При Совете народных представителей и правительстве КНР функционировали комитеты по делам зарубежных китайцев. Во Всекитайском собрании народных представителей зарубежным китайцам было предоставлено 30 мест [10, с. 95]. За индонезийскими китайцами было зарезервировано 4 места [35].

Еще в 1955 г. в ходе афро-азиатской конференции в Бандунге между правительствами двух стран было заключено Соглашение о двойном гражданстве. В Соглашении подчеркивалось, что лица с двойным гражданством должны в двухлетний срок отдать предпочтение какому-нибудь одному гражданству. Если такое лицо отдавало предпочтение индонезийскому гражданству, то оно должно было подать на рассмотрение суда первой инстанции заявление, в котором бы указывалось о желании отказаться от китайского гражданства. Если же в течение указанного времени лицо с двойным гражданством не проявило никакой активности к изменению своего статуса, то его рассматривали как отдавшего предпочтение гражданству КНР. Свою принадлежность к индонезийскому гражданству он терял. Итак, устранялось и исключалось в будущем появление двойного гражданства.

Большое значение имела статья XI Соглашения, гласившая: «С целью улучшения условий, в которых граждане одной страны проживают в другой, высокие договаривающиеся стороны согласны побуждать своих собственных граждан, проживающих в другой стране, уважать законы и обычаи той страны, в которой они живут, не принимать участия в политической деятельности этой страны. Каждая из высоких договаривающихся сторон подтверждает свою готовность защищать в соответствии с ее законодательством права собственности и интересы граждан другой стороны, проживающей на ее территории» [68]. Таким образом, если иметь в виду китайцев в Индонезии, то индонезийские власти гарантировали им, в том числе китайцам — гражданам КНР, «права собственности и интересов», т. е. возможность заниматься различными видами предпринимательской деятельности.

Соглашением 1955 г. оговаривалось, что оно вступит в силу

после обмена ратификационными грамотами, который должен был иметь место в Пекине. Этот акт последовал только лишь в начале 1960 г.

И руководство КНР во второй половине 50-х годов призвало китайских эмигрантов активно содействовать экономическому развитию Индонезии, поддерживать хорошие отношения с местным населением. Так, в официальном документе китайского правительства говорилось: «Защита справедливых прав и законных интересов китайских эмигрантов предусмотрена Конституцией Китайской Народной Республики. Однако китайское правительство наряду с этим указывает китайским эмигрантам: горячая любовь китайских эмигрантов к своей родине и дружественное отношение к народу страны проживания — исторические традиции, являющиеся исключительно ценными. Поэтому ни в коем случае нельзя пренебрежительно относиться к стране проживания или проявлять тенденции великодержавного шовинизма в связи с тем, что у китайских эмигрантов есть теперь могущественная и великая родина... В целях осуществления мирной внешней политики и пяти принципов мирного сосуществования китайская политика в отношении эмигрантов предусматривает, что китайские эмигранты не принимают участия в местной политической борьбе, строго соблюдают правительственные законоположения страны проживания и уважают права и обычаи местного населения» [4, с. 75]. На практике это далеко не всегда соблюдалось.

Согласно действовавшему в Индонезии законодательству китайцы — граждане КНР, как, впрочем, и иностранцы других национальностей, не обладали политическими правами. Они не могли принимать участия в политической жизни страны, не имели права избирать и быть избранными.

В 1953 г. индонезийские власти издали специальное постановление о «контроле над иностранцами». Поскольку эта проблема, по замыслу индонезийских правящих кругов, должна решаться в максимально короткий срок, постановление было возведено в форму чрезвычайного закона [70]. Положения документа были направлены на то, чтобы воспрепятствовать нелегальному въезду китайцев в Индонезию. Закон предусматривал усиление контроля над всеми иностранцами, проживавшими в стране. Контроль над иностранцами возлагался на Бюро по надзору за иностранцами. Этот орган подчинялся министру юстиции, но организационно входил в министерство полиции. Бюро помогал постоянно действующий исполнительный комитет. В нем принимали участие представители государственных учреждений, которые имели непосредственное отношение к контролю над иностранцами, в том числе и представители органов государственной безопасности. Бюро было наделено всеми полномочиями в отношении проживавших в Индонезии китайцев-иностранцев. Этот контролирующий орган мог ограни-

чить свободу передвижения иностранцев, принять крайние меры в отношении тех иностранцев, которые «рассматривались опасными для безопасности, порядка и морали общества». В арсенале карающих мер были интернирование, запрещение поселения и посещения определенных районов, выселение из страны.

С возвращением Индонезии в 1959 г. к Конституции 1945 г. политические права иностранцев были еще более урезаны. Так, чтобы стать депутатом парламента или членом Народного консультативного конгресса, членом Национального планового совета, необходимо было иметь индонезийское гражданство. В конституции прямо указывалось, что президентом Республики Индонезии может стать только гражданин Индонезии и только индонезиец по происхождению [42]. Правительство в законодательном порядке закрепляло, что только граждане Индонезии могут быть членами политических партий страны. Иностранцам также запрещалось входить в руководящие органы политических организаций [42]. Иностранцам не разрешалось участвовать в руководящих органах Комитета по делам паломников — Маджелис пимпинан хаджи [41]. Для китайцев — граждан КНР были закрыты руководящие должности в системе образования, просвещения и воспитания [44]. После 1957 г., в период военного положения в стране, военные власти приняли ряд дополнительных мер по усилению контроля над иностранцами и улучшению координации действий ведомств, занимавшихся осуществлением надзора над китайцами [43]. С конца 1960 г. контроль над китайцами-иностранцами сосредоточился в руках военного министра [43].

Вопрос об ассимиляции китайцев и деятельность местных китайских организаций

Китайцы — граждане Индонезии, так же как и их соплеменники — граждане КНР, неоднородные по своему классовому составу, объединенные лишь общим гражданством, в целом имели неодинаковый подход ко многим аспектам индонезийской политики, которая прямо или косвенно касалась их. Одним из болезненных для китайского меньшинства был вопрос ассимиляции китайцев с коренным населением. Среди китайского населения, принявшего индонезийское гражданство или собиравшегося это сделать, отсутствовало единое мнение в отношении этой проблемы. Значительная часть китайцев, проявлявшая лояльность по отношению к индонезийским властям, в государственном и гражданском аспектах отождествлявшая себя с коренным населением, выступала за сохранение и развитие китайской культуры, обычаев, традиций, языка и т. п. В противоположность им другая, меньшая часть китайского населения была

сторонницей полной ассимиляции китайцев с коренным населением, настаивала на отказе от своей культуры, родного языка и т. п.

Истоки возникновения таких течений уходят в колониальное прошлое [16]. В независимой Индонезии, особенно в годы «направляемой демократии», борьба этих групп, несомненно отразившая противоборство основных политических сил Индонезии тех лет, приобрела весьма ожесточенный характер.

Выразителем идей и организатором практической деятельности китайского населения, выступавшего за сохранение за ним статуса национального меньшинства, боровшегося против расовой дискриминации и за равноправие, являлся «Консультативный орган по вопросам индонезийского гражданства» — Ба-дан Пермушаваратан кеварганегараан Индонесиа (Баперки). Образованная в 1954 г., накануне проведения первых всеобщих выборов в Индонезии, эта организация включила в себя локальные китайские общественные и политические организации [22]. В социальном отношении Баперки на первых порах его существования представлял собой конгломерат различных классов, слоев, групп китайского населения, придерживавшихся самых различных политических взглядов: от левых до крайне правых. Однако уже перед самыми выборами ряды организации покинули наиболее реакционные элементы. Через год число членов Баперки достигло 40 тыс., а число филиалов — 142 [31].

На выборах 1955 г. председатель Баперки Сяо Гиок Чан⁶ и другие видные деятели этого органа были избраны в парламент и учредительное собрание [40]. На выборах в местные органы власти в 1957 г. Баперки выставил общих с Коммунистической партией Индонезии кандидатов и добился внушительных успехов, особенно в районах Восточной и Центральной Явы [60, с. 152]. Баперки все больше приобретал черты политической организации китайского населения, решившего связать свою жизнь с Индонезией. Сяо Гиок Чан в своих работах, речах и выступлениях в печати в конце 50-х годов неоднократно приводил в качестве примера решение национального вопроса в Советском Союзе. Он считал, что расовую дискриминацию можно устранить только в условиях социалистической Индонезии [33, с. 56].

Руководство Баперки вело активную деятельность против расовой дискриминации, в защиту прав китайских предпринимателей, в том числе и граждан КНР [49, с. 3; 73, с. 89], последовательно боролось за равноправие китайцев с местным населением, осуществило ряд серьезных мероприятий в области

⁶ В 30-е годы Сяо Гиок Чан был членом Китайской партии Индонезии, принимал участие в издании газеты «Мата Хари» («Солнце»). В годы японской оккупации Индонезии принимал участие в движении сопротивления на стороне индонезийских патриотов. В 1947 г. министр правительства Амира Шарифуддина.

просвещения⁷ и высшего образования. Все это существенно расширило социальную базу организации как среди китайцев — граждан Индонезии, так и среди граждан КНР, значительно укрепило источники финансирования мероприятий Баперки. Мелкобуржуазная по своему классовому составу организация китайского меньшинства к 1965 г. насчитывала 284 799 человек и имела 409 отделений [33, с. 60].

Выразителями идей «полной» ассимиляции в китайской общине выступали небольшая группа представителей крупного китайского бизнеса, буржуазная интеллигенция, а также некоторые слои студенческой молодежи из состоятельных китайских семей. Часть представителей крупного бизнеса и технократов были связаны с правыми кругами индонезийских властей.

Нужно отметить, что еще с первых лет независимости Индонезии созданное при индонезийском министерстве внутренних дел «Бюро по делам перанаканов и иностранцев» — Урусан перанакан дан бангса асинг (УПБА) — стремилось проводить политику ассимиляции всех меньшинств [66, с. 40]. Видные государственные деятели неоднократно призывали китайцев — граждан Индонезии к активному и быстрому устранению их обособленности от местного населения. Так, в 1958 г. с подобным заявлением выступил тогдашний начальник штаба сухопутных сил Индонезии генерал Насутион [33, с. 51].

В 1959 г. развернулась антикитайская кампания. Началась она с запрета китайцам-иностранцам (гражданам КНР) торговать в сельской местности. Фактически же эта кампания была направлена не только против китайцев — граждан КНР или лиц с двойным гражданством, но и, по существу, также против китайцев — индонезийских подданных. События 1959 г. способствовали значительному росту сторонников ассимиляции, которые видели в ней единственную возможность оградить себя от подобных выступлений. К ассимиляционистам перешли такие довольно влиятельные в китайской общине лица, как, например, Яп Тхиам Хиен — видный адвокат, до 1960 г. бессменный вице-председатель Баперки, покинувший организацию за ее «коммунистический курс» [61], Аувьонг Пенг Кун, издатель газеты «Стар Уикли», и др. К ним примкнули также китайцы-католики во главе с видным политическим деятелем Католической партии Инью Бенг Гоат, директором издательства «Кенг По». Таким образом, к концу 50-х — началу 60-х годов в лагере ассимиляционистов все большее влияние приобретали антикоммунистические элементы, что послужило объективной предпосылкой для установления позже тесных связей отдельных руководителей этого направления в китайской общине с правыми

⁷ Например, с 1957 по 1963 г. руководство Баперки открыло около 100 школ, в которых обучались дети китайцев — граждан Индонезии и КНР. В Джакарте на средства этой организации был открыт университет, имевший отделение в Сурабае.

силами в армии, которые, в свою очередь, всемерно пытались углубить и расширить антикоммунистический характер этой группы.

Официальные круги Индонезии, включая президента Сукарно, при проведении своей политики в отношении китайского меньшинства стремились опереться на эту часть китайского населения, всячески развивая позитивные, с их точки зрения, взгляды и поддерживая некоторые мероприятия ассимиляционистов.

На рубеже 50—60-х годов, когда Сукарно стал переводить страну на рельсы «направляемой демократии», «китайская проблема» оказалась в центре внимания индонезийских властей. Это было обусловлено усилившимся недовольством индонезийских трудящихся эксплуатацией буржуазии, ростом и углублением антикапиталистических настроений в индонезийском обществе, с одной стороны, и попытками национальной буржуазии направить чувство социального протеста против эксплуатации и антикапиталистические настроения народных масс против китайского капитала — с другой. Антикитайские настроения подогревались также обособленностью китайцев, подчеркиванием ими своей исключительности. На решение этой проблемы большое влияние оказывали особенности экономического положения страны, внутренняя и внешняя политика президента Сукарно.

Экономика страны неуклонно разваливалась. Кампания за возвращение Западного Ириана и «противостояние Малайзии» сокращали и без того мизерные бюджетные средства на развитие и социальные нужды народных масс. Механизм расширенного воспроизводства, унаследованный от голландской колониальной администрации, в результате непродуманных новшеств и опытов в области производства и сферы распределения полностью был расстроен. Поступления от экспорта сокращались. Государственные расходы росли. Правительство широко прибегало к эмиссии необеспеченных банкнотов. Росла дороговизна, увеличивалась безработица. Нехватка средств ощущалась очень остро. Внешние займы не покрывали государственные расходы. Правительство, будучи не в силах наладить работу государственного сектора, изыскивало возможности получать дополнительные источники финансирования за счет частного капитала, в том числе и китайского, удельный вес которого в общем объеме был сравнительно высок.

Экономическая обстановка в период «направляемой демократии» не могла не отразиться на национальном частном капитале. Неблагоприятный, порой даже дискриминационный курс правительства в отношении национального частного предпринимательства и нескрываемое намерение правительства в конечном счете его полностью ликвидировать привели к тому, что местные бизнесмены не испытывали интереса к капиталов-

вложениям в сферу производства. Они стремились к максимальному извлечению прибылей из своих предприятий при минимальных инвестициях.

Официальная дискриминация частного сектора сильнее всего задела китайских предпринимателей, в особенности тех из них, которые не имели индонезийского гражданства. Власти пошли на то, чтобы существенно урезать масштабы деятельности китайского капитала, когда в ноябре 1959 г. издали декрет о запрете китайцам-иностранцам вести торговлю в сельской местности [50]. Осуществление декрета сопровождалось широкой антикитайской кампанией, развернутой правыми кругами. Отношения с КНР резко ухудшились. Около 200 тыс. китайцев высказали желание покинуть Индонезию [57]. Только в 1960 г. за пределы Индонезии выехало 102 297 китайцев [36, с. 253], в том числе в КНР — около 96 тыс. [58, с. 115].

Позиция Баперки в отношении этого декрета была недвусмысленной. Она основывалась на том, что в условиях современного состояния индонезийской экономики необходимо использовать весь «домашний» капитал, понимая под словом «домашний» и капитал китайцев — граждан КНР, поскольку он в отличие от иностранного реинвестируется в экономику Индонезии. Подобный подход к иностранному китайскому капиталу, считали деятели Баперки, соответствует высказанному в Политическом манифесте президентом Сукарно положению о том, что «все прогрессивные по своему характеру силы и материальные ресурсы должны использоваться для развития национального хозяйства» [48], которое предполагает включение материальных средств и знаний проживающих в Индонезии и желающих участвовать в развитии ее экономики китайцев-иностранцев [49, с. 10].

Становление «направляемой демократии»

В области внутренней политики на рубеже 50—60-х годов проходило окончательное политическое и административное оформление системы «направляемой демократии». Назначаемый Временный народный консультативный конгресс и парламент Сукарно представлял как органы национального единства. Военное положение в стране отменено не было. Проведение всеобщих выборов отсрочили. Деятельность легальных партий и общественных организаций направлялась правительством. Не избежал этой участи и Баперки. Баперки должен был вступить в «Национальный фронт» и пересмотреть свою программу с учетом изменившейся ситуации [33, с. 47], а центральное руководство провозгласило, что его политический курс конвергентен политике КПИ, которая, по существу, делает то же, что и сам президент [62, с. 62].

Для начала 60-х годов, как справедливо отмечали советские ученые А. Ю. Другов и А. Б. Резников, было характерно то, что во всех аспектах «направляемой демократии» постепенно усиливались негативные тенденции, не всегда различимые — даже если они уже были сильны — под традиционной прогрессивной оболочкой. Эти тенденции указывали на стремление правящих кругов ограничить деятельность левых организаций и права трудящихся, используя призыв к национальному единству [9, с. 19].

Во внешней политике тоже стали проступать негативные тенденции. На Белградской конференции неприсоединившихся стран в сентябре 1961 г. была впервые изложена концепция «новых нарождающихся сил». Противоборство между национально-освободительным движением и империализмом и колониализмом выдвигалось на первый план. Социалистическим странам в мировом революционном процессе отводилась второстепенная роль. Эта позиция стала идеологической основой для сближения руководства КНР и Индонезии.

Гегемонистские тенденции правящих кругов Индонезии особенно усилились и проявились во время китайско-индийского пограничного конфликта. Индонезийское руководство считало Индию соперником на пути к лидерству среди развивающихся стран. Китай обратился к Индонезии с просьбой о посредничестве в урегулировании конфликта с Индией. Последовавшие затем встречи государственных деятелей немало способствовали сближению двух государств. В начале января 1963 г. состоялась поездка индонезийского министра иностранных дел Субандрио в Пекин; в апреле того же года Индонезию посетил Лю Шаоци, которому устроили пышную встречу. В совместном заявлении, подписанном 20 апреля, указывалось на общность взглядов двух стран по основным вопросам внешней политики. Китайской дипломатии удалось добиться от индонезийской стороны одобрения позиции КНР в «мирном решении китайско-индийского пограничного конфликта» [9, с. 104]. Китайская сторона выразила поддержку политики Индонезии в противостоянии Малайзии.

Правительственная установка на ассимиляцию

Именно в такой обстановке индонезийское правительство в начале 60-х годов проводило свою политику в отношении китайского меньшинства. Выше уже отмечалось, что национальной политике, т. е. политике правительства в отношении населявших страну народностей и меньшинств, как таковой, внимания не уделялось, а если и уделялось, то очень мало [13]. Признавая и неоднократно подчеркивая роль государства и государ-

ственных институтов в формировании «индонезийской нации», власти мало что делали в практическом плане.

Китайское население, которое индонезийцы в отличие от себя называли некоренным («тидак асли»), жило своей обособленной жизнью, сохраняя экономическую, культурную, религиозную самостоятельность и национальные особенности. Китайское меньшинство, несмотря на свое индонезийское подданство, не ощущало и не проявляло своей принадлежности к индонезийской нации и государству. Эти и другие причины порождали у индонезийского населения антикитайские настроения. Но главной причиной антикитайских настроений являлось то, что эксплуататорская по своему характеру китайская буржуазия (в этом плане ничем не отличаясь от индонезийской буржуазии, она была несравненно могущественнее экономически) отождествлялась со всеми китайцами, проживавшими в Индонезии. Общая отсталость классового сознания широких масс индонезийского народа, противоречивая сущность индонезийского национализма и его противостояние китайской обособленности постоянно служили для индонезийской буржуазии тем каналом, по которому она искусно направляла и отводила от себя недовольство народных масс. Впоследствии и для индонезийского правительства, бесспорно выражавшего интересы определенных кругов национальной буржуазии, было легче сваливать экономические неудачи и трудности на китайцев и делать их козлом отпущения. Несомненно и то, что отмеченные выше этнографические особенности китайцев, в первую очередь их обособленность, не способствовали или мало способствовали установлению взаимопонимания и контактов с коренным населением.

Китайское население, принявшее индонезийское гражданство, ощущало свою принадлежность к Индонезии чисто номинально. Об этом убедительно свидетельствуют слова бывшего министра иностранных дел Индонезии Сунарио, который в 1955 г. в Бандунге от имени своего правительства подписал с Чжоу Энъяем Соглашение о двойном гражданстве. Он говорил: «Чувство принадлежности, т. е. сознательное и добровольное рассмотрение себя в качестве органической части нации, особенно в таком государстве, как Индонезия, формировалось в результате совместной борьбы; чувство принадлежности прямо касается вопроса гражданства, который на первый взгляд может показаться чисто юридическим. На самом же деле гражданство имеет более глубокое значение, так как права и обязанности, вытекающие из статуса гражданства, тесно друг с другом связаны» [30, с. 56]. Однако китайцы — граждане Индонезии, широко пользуясь правами своего гражданства, неохотно выполняли обязанности, вытекающие из статуса гражданина Индонезии. «Мы считаем своим долгом обратить внимание на это,— говорил Сунарио,— потому что статус гражд-

данина рассматривают (китайцы.— П. М.) исключительно формально, не связывая его с процессом формирования нации и государства» [30, с. 49].

В высказывании Сунарио подчеркнута и другая важная мысль. Национальная идея есть не только фактор политического и экономического развития. Национальная идея, тождественная в конкретном случае идее формирования государства, должна служить «укреплению единства нации с учетом общественно-исторической реальности существования различных народностей с присущими им особенностями» [30, с. 53].

В период независимого развития Индонезии процесс формирования осознанных национальных и государственных связей между членами индонезийского общества и его классами, а также проживавших в стране различных этнических групп, не был одинаков и формировался стихийно. Коренному населению, для которого этот процесс проходил в период антиколониальной борьбы, идея национального и государственного единства, естественно, была близка, осязаема и реальна. Для китайского же населения, особенно его имущих слоев, пользовавшихся определенными привилегиями при голландцах и сохранявшими немалую долю этих привилегий в последующие годы, несмотря на явно дискриминационный курс правительства, этот процесс был чужд, более того — в известной степени тормозился антикитайскими мероприятиями экономического и внутривнутриполитического характера правящих кругов страны.

В результате того, что в течение 17-летнего периода «существования нации некоторые ее члены, имея статус граждан Индонезии, сохраняют свою обособленность, мы (индонезийское правительство.— П. М.) вынуждены предлагать единственный путь для национального объединения — это ассимиляцию китайского меньшинства с коренным населением» [30, с. 46]. Как же предполагалось учитывать национальные особенности в таком случае? На этот счет существовала четкая установка. В плане национального и государственного единства необходимо стремиться к объединению того, что можно объединить, признавая и уважая особенности (главным образом культурные) до тех пор, пока они не препятствуют процессу объединения [30, с. 48].

В начале 60-х годов «направляемая» политика Сукарно в отношении китайского меньшинства от «теоретических постулатов» начинает переходить к практическим мероприятиям. Чем же объяснить «порыв» индонезийских властей заняться вплотную решением этого вопроса в начале 60-х годов и особенно в начале 1963 г.? Причин несколько. Это и объективная необходимость национального и государственного единства, без которого невозможно добиться ликвидации зависимости от империалистических государств. Это и экономические трудности, переживаемые государством. Так, Сунарио прямо говорил, что

китайцы, как граждане Индонезии, должны внести свой вклад в развитие экономики, а если потребуется, то и пожертвовать (!) своим имуществом. Любопытно, что, по замыслам индонезийских властей, главные усилия китайцы должны были направить в сферу экономики и торговли, а другие народности, в зависимости от их традиционной общественно-хозяйственной деятельности, «на стимулирование национального энтузиазма», на развитие национальной культуры и т. п. [30, с. 48].

Заинтересованность индонезийских властей в китайском капитале выразили заместитель первого министра правительства, один из руководителей Национального фронта, Хайрул Салех: «У каждого из вас в отдельности (индонезийских граждан китайского происхождения.— П. М.) больше возможностей, чем у других. У вас есть деньги, опыт, знания. В условиях индонезийского социализма и „направляемой экономики“ частный капитал должен быть использован для раскрытия национальных богатств, во имя процветания всего общества. Китайский капитал может и должен сыграть большую роль в создании процветающего и справедливого общества» [30, с. 25]. В настоящее время, отмечал Х. Салех, «использование капитала и знаний не соответствует планам развития производства. Капитал направлен на финансирование торговцев-посредников, используется для спекуляций в сфере экономики. Китайский капитал играет чрезвычайно большую роль в росте обособленности, что вызывает подозрение и недоверие» [30, с. 28].

Интересно отметить, что под национальной идеей как фактором и принципом консолидации некоторыми индонезийскими государственными деятелями подразумевалась и идеология самутверждения индонезийской буржуазии, но под оболочкой защиты интересов народа! Сунарио заявлял: «Наибольшую тяжесть экономического положения испытывают простые люди. Голодными глазами они наблюдают за богатством и процветанием других, в том числе и тех, чье происхождение китайское. Это служит источником напряженности и должно быть немедленно устранено во имя целостности нации» [30, с. 50].

Не могло индонезийское правительство не считаться и с тем обстоятельством, что китайская буржуазия в Индонезии переводила солидные суммы за границу. При общей нехватке валютных средств это было весьма ощутимо. Так, в 1953—1963 гг. только в один Гонконг ежегодно переводилось до 15 млн. амер. долл. [6, с. 30].

У индонезийских властей вызвали беспокойство частые антикитайские выступления в различных частях Индонезии, которые не только наносили экономический ущерб, приводили к человеческим жертвам, ослабляли индонезийско-китайские связи, но и свидетельствовали о живучести и «горючести» китайской проблемы. Так, в конце 50-х и начале 60-х годов XX в. мощные антикитайские выступления на Яве и других островах архипелага

лага сопровождалась поджогами, грабежами собственности китайского населения. Они оказывали отрицательное воздействие на процесс формирования национального единства, осложняли внутривластные отношения. В качестве одной из причин антикитайских выступлений в указанное время министр общественных работ и автономных областей Индонезии Ипик Гандамана назвал «отсутствие тесного общения между индонезийскими гражданами китайского происхождения и коренным населением» [30, с. 31]. По его словам, китайская община живет «обособленно». Общение с местным населением носит вынужденный характер. В основе взаимоотношений лежит экономический принцип — желание получить максимальную прибыль. «Общаются, но вне общества», «сосуществуют, а не являются органической частью единого целого» [30, с. 33]. Можно оспаривать справедливость высказываний И. Гандаманы, но несомненно, что, во-первых, его утверждения выражают официальную точку зрения на существо проблемы и, во-вторых, они показывают, что определяющей формой осознанной связи китайской общины с коренным населением является лишь экономическая.

Индонезийские правящие круги не могла не волновать китайская проблема и в плане внешнеполитическом. Внутри страны и на международной арене проводилась активная подготовка к противостоянию Малайзии. А в Малайзии проживало большое число китайцев, которые не только экономически, но порой и родственными узами были связаны с индонезийскими китайцами. Индонезийские власти опасались, и не без основания, что конфронтация с Малайзией может вызвать негативное отношение со стороны китайской общины в Индонезии. Думается, что и дальнейшее сближение руководства Индонезии и КНР также оказало немалое влияние на форсирование темпов решения китайской проблемы. Вопрос китайской общины в Индонезии всегда был в центре внимания руководства КНР. Индонезийско-китайские отношения не могли развиваться нормально без тех или иных акций со стороны правительств двух стран в отношении китайского населения в Индонезии.

В начале 1963 г., когда особенно возросло внимание индонезийских властей к проблеме индонезийских граждан китайского происхождения, индонезийско-китайские отношения значительно активизировались. Прямым результатом январской поездки Субандрио в КНР и явилась кампания, за ассимиляцию индонезийских граждан китайского происхождения, активное проведение которой пришлось на период, предшествующий приезду в Индонезию Лю Шаоци в апреле того же года.

По утверждению индонезийских руководителей, в условиях Индонезии ассимиляция — это единственно возможный путь слияния представителей китайской общины с коренным населением. Единственный потому, что, во-первых, после образова-

ния индонезийского независимого государства и «упрочения индонезийской нации» у индонезийских граждан китайского происхождения не происходило «естественного» или органического, осознанного формирования «чувства принадлежности» к этой нации и к индонезийскому государству, а если оно и имело место, то значительно отставало от подобного процесса у других народов, населявших Индонезию. Во-вторых, в условиях существования единой индонезийской нации, согласно установке президента Сукарно, не должно быть места национальным меньшинствам, так как существование меньшинства предполагает существование большинства, которое, по мнению Сукарно, должно обязательно эксплуатировать меньшинство [30, с. 70].

Реакция китайской общины на политику правительства

Тем временем движение ассимиляционистов набрало свою силу. В марте 1960 г. десять видных деятелей из числа сторонников ассимиляции опубликовали в «Стар Уикли» заявление, ставшее известным как «заявление десяти», в котором указывали, что есть только один путь решения проблемы китайского меньшинства — добровольная ассимиляция во всех сферах жизни [61]. В январе 1961 г. сторонники ассимиляции провели в г. Бандунгане на Центральной Яве семинар по формированию национального самосознания и приняли Хартию об ассимиляции. В Хартии провозглашалось, что «ассимиляция есть процесс слияния имеющих различные психическое поведение, обычаи и проявления культуры групп в гармоничное и полезное социологическое единство — индонезийскую нацию» [30, с. 8]. Ассимиляция в отношении китайцев — граждан Индонезии означала «вхождение и принятие единой индонезийской нацией лиц китайского происхождения и растворение их в ней» [30, с. 8]. Во-первых, в отличие от прошлых лет китайцы должны *активно* влиться в единую индонезийскую нацию. Во-вторых, коренное население страны должно их «принять», т. е. не относиться к этому враждебно или даже равнодушно, а принять их таким образом, чтобы китайцы почувствовали себя равноправными членами индонезийской нации. В-третьих, полная утрата китайцами этнических особенностей является необходимым условием процесса ассимиляции. В Хартии акцентировалось, что *формальной* стороной процесса ассимиляции является принятие китайцами индонезийского гражданства. Причем, с точки зрения составителей документа, формальная сторона имеет важное значение как для получающих, так и для предоставляющих гражданство.

Семинар по формированию национального самосознания в Бандунгане был организован представителями ассимиляционистов в тот период, когда прошел год после утверждения Согла-

шения о двойном гражданстве. Китайцы неохотно принимали индонезийское подданство. Появление Хартии имело определенное значение как для китайского населения, так и для индонезийских властей. Китайское меньшинство впервые получило более или менее четкое представление о перспективах их бытия в новом качестве — качестве индонезийских граждан. Индонезийские же власти отныне располагали исходящим от представителей китайского меньшинства «законным» основанием для проведения в отношении китайцев политики ассимиляции. От вновь принятых граждан требовалось беззаветное служение нации и государству, избавление от «узконациональных предрассудков», осуждение «китайской обособленности». Документ призывал индонезийские власти положительно отнестись к ассимиляции и всемерно способствовать ее осуществлению. От индонезийского народа Хартия требовала проявления понимания и доброжелательности в отношении китайцев, ставших индонезийскими гражданами.

Хартию подписали видные представители китайской буржуазии и интеллигенции из разных городов Индонезии (13 — из Семаранга, 9 — из Сурабайи, 3 — из Бандунга, 3 — из Джакарты) [30, с. 9]. В ходе семинара была создана инициативная группа, которая поставила перед собой цель бороться за проведение ассимиляции на основе принципов, изложенных в Хартии. В инициативной группе наибольшую активность проявляли Онг Хок Хам и Вигнье Сумарсоно⁸. Впоследствии инициативная группа трансформировалась в Движение молодежи, выступающей в поддержку ассимиляции.

Уже первые мероприятия сторонников ассимиляции содержали в себе опасные признаки того, что они стараются придать движению ассимиляционистов националистический характер в духе сукарновской «единой индонезийской нации». Так, «заявление десяти» содержало в себе выпад против высказывания Сяо Гиок Чана в газете «Республик», органе Баперки, о том, что решение проблемы меньшинства посредством смены фамилий, биологической ассимиляции есть решение недемократическое, является нарушением основных прав человека [33, с. 55]. В развернувшейся после опубликования «заявления десяти» дискуссии бывший вице-президент Баперки Яп Тхиам Хиен обвинил руководство организации в «коммунистическом подходе» к решению проблемы меньшинства, на что председатель Баперки ответил, что его точка зрения основывается на Политическом манифесте, который, являясь ныне государственной идеологией, объединил всех лояльных граждан — коммунистов и некоммунистов [33, с. 55].

⁸ Позже они были включены в состав руководства Организации содействующих национальному единству, сокращенно ОСНЕ, о чем речь пойдет дальше [30, с. 57]. В 70-х годах Вигньо Сумарсоно входил в состав центрального руководства Демократической партии Индонезии [62].

Образованный в Джакарте после проведения бандунганского семинара постоянный комитет обратился к генералу Насутиону с просьбой об учреждении под покровительством армии специального органа по содействию национальному единству. В июне 1962 г. просьба была выполнена. При армейском Отделе развития потенциальных возможностей функциональных групп было создано Бюро по делам формирования национального единства — Урусан пембинаан кесатуан бангса (УПКБ), что, как отмечает австралийский исследователь Ч. Коппел, стало «началом сотрудничества между ассимиляционистами и секцией высшего командования армии» [33, с. 55]. Таким образом, лидеры движения за ассимиляцию примкнули к правым силам, которые в лице высших армейских кругов стали координировать и направлять деятельность отдельных руководителей ассимиляционистов, а через них и всего движения.

В феврале 1963 г., накануне открытия конференции по ассимиляции, президент Сукарно принял некоторых представителей «молодежи, выступающей в поддержку ассимиляции». В ходе встречи с делегацией молодежи президент не только «высоко оценил их деятельность по формированию национального единства, но и одобрил их действия по разрешению проблемы меньшинства путем ассимиляции и устранению обособленности в индонезийской нации». Сукарно высказал установочного характера «теоретическое» положение, что «нация с меньшинствами — это не нация» [30, с. 5]. Факт приема президентом делегации свидетельствовал о большом значении проблемы ассимиляции в планах индонезийских властей.

Конференция по ассимиляции и создание ОСНЕ и ОФНЕ

10—12 марта 1963 г. в Джакарте состоялась Конференция по ассимиляции. Ее участниками были представители выступающей за ассимиляцию молодежи, которые приехали в столицу из разных городов страны. В работе конференции приняли активное участие члены правительства: заместители первого министра генерал Насутион, Х. Салех, Р. Абдулгани, министры И. Гандамана и Сунарио. На конференции выступили начальник джакартского гарнизона бригадный генерал Вирадикусумах, начальник штаба военного администратора вооруженных сил Индонезии полковник Сучипто и др. Сановные докладчики и ораторы задали определенный тон работе конференции, которой, по словам Х. Салеха, надлежало выработать «радикальные и революционные меры по достижению результатов ассимиляции на националистической основе» [30, с. 27].

Трехдневная работа конференции завершилась принятием некоторых документов и выборами руководства Организации содействующих национальному единству (ОСНЕ), которая со-

здавалась в соответствии с постановлением конференции. Из принятых документов заслуживают особого внимания два: «Основные вехи ассимиляции» и «Декларация». В «Основных вехах» ретроспективно прослеживались исторические этапы появления в стране некоренного населения, в том числе и прежде всего китайского, меньшинств, давался анализ его современного положения и намечались перспективы ликвидации меньшинств путем прежде всего ассимиляции. Фундаментом для выработки некоторых положений «Основных вех» послужили высказывания Сукарно об «индонезийском социализме». Особенно это наглядно проявилось в той части документа, где утверждалось, что меньшинства возникли по причине «распределения продукта по расовому признаку в колониальный период». Между привилегированными национальными группами — китайцами, арабами, индийцами — и основной массой индонезийского народа отсутствовало единство, они всячески противопоставляли себя друг другу в экономической, политической и культурной жизни. «Так возник мир большинства и мир меньшинства», — говорится в документе [30, с. 45].

Таким образом, по представлению авторов документа, в возникновении китайского меньшинства повинно колониальное правительство, создавшее ему более благоприятные условия жизни и деятельности, чем коренному населению. Совершенно справедливо указывая на политику колонизаторов «разделяй и властвуй» в качестве одной из причин противопоставления многочисленных народностей Индонезии друг другу, прivityтия им чувства взаимного недоверия и ненависти, авторы «Основных вех» в духе сукарновской теории «надклассовости индонезийского общества» отвергают классовый анализ структуры китайского меньшинства и индонезийского большинства. Здесь, как в целом и для всей концепции «направляемой демократии», характерно игнорирование классовой структуры индонезийского общества. Налицо попытка обелить эксплуататорский характер собственной буржуазии. Авторы документа утверждали, что это меньшинство возникло как следствие присвоения прибавочного продукта «на основе расовой принадлежности», что развилось «нечто подобное кастовой системе» [30, с. 42, 44].

С достижением политической независимости положение китайского меньшинства не изменилось, как подчеркивалось в документе, хотя китайцам «была предоставлена возможность устранить обособленность» [30, с. 46]. По мнению составителей, главная причина такого положения кроется в отсутствии у китайцев «осознанного чувства принадлежности к индонезийской нации», а также чувства ответственности за дела и жизнь индонезийского общества. Обособленность китайцев, полагают авторы документа, должна быть устранена путем ассимиляции. «Цель ассимиляции заключается в формировании у китайского меньшинства и особенно у подрастающего поколения осознан-

ных национальных связей, которые должны затрагивать экономику, политику, культуру, повседневное общение и семью» [30, с. 46]. В целях быстрее достижения результатов ассимиляции предлагалось ликвидировать все китайские учреждения, организации, школы и т. п., которые способствуют сохранению национальных особенностей, склонить китайскую молодежь к участию в общенациональных индонезийских организациях. В Декларации обращалось внимание индонезийских властей на функционирование различного рода китайских учреждений, организаций и т. п., которые, по мнению составителей, способствуют сохранению обособленности меньшинства и отрицательно воздействуют на формирование национального единства.

Декларация призывала руководителей и членов политических и общественных организаций к глубокому и смелому пересмотру позиций и политики возглавляемых ими организаций в отношении ассимиляции. Декларация подчеркнула решимость участников конференции «продолжать под руководством Сукарно прогрессивно-революционную борьбу за ломку унаследованной от колониального господства общественной структуры и образа мышления с расовыми и племенными предрассудками и перегородками» [30, с. 47]. Конференция приняла постановление, содержащие рекомендации правительству в области экономики, права и воспитания подрастающего поколения.

В области экономики. «Производственные отношения колониального периода,— отмечалось в Декларации,— обусловили возникновение в индонезийском обществе обособленных и различных по социально-экономическому положению народностей» [30, с. 49]. В современном обществе Индонезии, говорилось в документе, различие по социально-экономическому положению совпадает с его разделением на индонезийское «большинство» и «расовые меньшинства» иностранцев (имеются в виду меньшинства китайцев, индийцев и арабов). Задача, которую выдвинули участники конференции в плане ассимиляции в области экономики,— это необходимость ломки старых производственных отношений и создания новых, позволяющих построить «справедливое и процветающее общество» без социальных групп, раздираемых социально-экономическими противоречиями. Для создания этого общества нужно, чтобы капиталы, знания, опыт и умение китайцев полностью были направлены на его строительство, а не использовались в интересах «узкой национальной группы».

В области права. Правительству необходимо в короткий срок выработать новые гражданские постановления вместо оставшихся от колониального периода, согласно которым индонезийское население подразделялось на три группы: европейцев, иностранцев-азиатов и коренное население. Правительству рекомендовалось определить основные принципы формирования национального единства. В частности, предлагалось внести поправ-

ки в соответствующие правительственные указы о процедуре замены китайских фамилий на индонезийские.

В области образования. Воспитание подрастающего поколения, подчеркивалось в постановлении, должно происходить в духе формирования единства «гомогенной, сплоченной и без меньшинств нации», которая имеет общую национальную культуру [30, с. 55], большую роль в этом должны сыграть школы, которые, несмотря на их формально национальный характер, фактически прививают подрастающему поколению чувство «расовой обособленности». Этому же способствует и организационно-административная структура просвещения. Указывалось на необходимость пересмотра школьных программ и усиление школьной и внешкольной работы по пропаганде ассимиляции.

Таким образом, за революционной фразеологией предлагалось националистическое решение проблемы китайского меньшинства. В то же время принятые участниками конференции постановления и имеющиеся в них рекомендации носили весьма абстрактный, расплывчатый характер.

Конференция приняла решение об учреждении Лембага пембина жесатуан бангса, или Организации содействующих национальному единству (ОСНЕ) [15]. Перед ОСНЕ стояла задача — содействовать правительственным учреждениям в деле формирования национального единства в рамках всего государства и, исходя из конкретных социально-экономических и политических условий Индонезии и особенностью положения китайского меньшинства, изучать и вырабатывать пути решения китайской проблемы на основе ассимиляции, вносить необходимые рекомендации и т. п. ОСНЕ создавалась как общественная организация, членами которой могли стать только служащие — граждане Индонезии, поддерживающие ассимиляцию и участвующие в ее деятельности. Финансирование ОСНЕ предполагалось за счет взносов постоянных членов, субсидий благотворительных обществ, помощи государства и средств, полученных в результате деятельности ОСНЕ [30, с. 56]. Исследователь из Австралии Ч. Коппел считает, что финансирование ОСНЕ, как и ранее постоянного комитета ассимиляционистов в Джакарте, осуществлялось военными [33, с. 56]. Были избраны руководящие органы, утверждены устав и программа ОСНЕ.

Значение конференции состояло в том, что она как бы подвела итоги положению китайского меньшинства в Индонезии в независимый период ее истории. Оказалось, что степень интегрированности китайской общины и даже ее индонезийской части, т. е. китайцев с индонезийским гражданством, минимальная. Конференция официально закрепила курс на ассимиляцию и создала ОСНЕ по ее претворению. Это был новый этап китайского аспекта политики «национального единства».

Руководство ОСНЕ, избранное конференцией, состояло из 23 человек, и в него вошли как представители коренного насе-

ления, известные своими правыми взглядами, так и лидеры китайских ассимиляционистов. Позже, в апреле 1963 г., Центральный совет ОСНЕ был расширен до 41 члена. В числе введенных в руководство ОСНЕ находился Радиус Правиро (ныне министр в правительстве Сухарто), уже тогда возглавлявший «Банк Индонесиа» — государственный банк страны. Консультантами ОСНЕ были назначены проф. Сунарио, полковник Джухартоно и подполковник Харсоно [30, с. 37].

В июле 1963 г. президентским декретом ОСНЕ была преобразована в государственное учреждение — Лембага пембинаан кесатуан бангса — Организацию по формированию национального единства (ОФНЕ). Формирование национального единства провозглашалось в качестве одной из основных задач завершающего этапа индонезийской революции, а отсюда и необходимость «вмешательства, руководства и прямого воздействия со стороны правительства» на этот процесс через ОФНЕ. Согласно президентскому декрету глава ОФНЕ назначался и смещался президентом и находился в подчинении министра по особым вопросам (тогда им был Р. Абдулгани). Последний утверждал структуру и порядок деятельности ОФНЕ. Финансировалась организация государством. Президентским декретом № 141 от 15 июля 1963 г. исполняющим обязанности главы ОФНЕ был назначен лейтенант ВМС китаец Синдуната [30, с. 125—127].

Таким образом, став государственной организацией, сторонники ассимиляции не только организационно оформились, но и получили поддержку государств. С одной стороны, это было определенным успехом лидеров ассимиляционистов, добившихся того, чтобы их политика стала официальным государственным курсом. С другой стороны, трансформация ОСНЕ в ОФНЕ свидетельствовала о ее крайне узкой социальной базе в китайской общине, об ограниченности ее материальных и политических возможностей. Довольно многочисленные правые элементы в руководстве ОФНЕ, прикрываясь лозунгом ассимиляции, все больше вовлекали ОФНЕ в русло антикоммунистической борьбы. И если во время организационного оформления движения сторонников ассимиляции президент Сукарно, верный своей тактике поддержания равновесия основных противоборствующих политических сил, стремился к сохранению равенства между Баперки и ОФНЕ, то по мере поправления последней из уст президента все чаще раздавались в адрес ОФНЕ критические замечания и даже угрозы.

Противоборство Баперки и ОФНЕ и «события 30-го сентября»

Сразу же после образования ОСНЕ, 14 марта 1963 года, открылся VIII съезд Баперки. Президент Сукарно, выступая на съезде, с похвалой отозвался о деятельности Баперки и в оче-

редной раз повторил, что «идеалом индонезийской революции является абсолютное единство индонезийской нации», что «индонезийская революция не признает существования меньшинств, а сам он отвергает деление общества на „коренное“ и „некоренное“» [56, с. 4]. По его словам, населяющие Индонезию народности, в том числе и китайцы-перанаканы, представляют собой многочисленные *суку* — «народности» («группы»). Он заявил, что носить ту или иную фамилию, исповедовать религию — это личное дело каждого; он также отметил, что не видит необходимости в замене фамилий, так как смена фамилии не является гарантией преданности своей стране [56, с. 8]. В речи 17 августа 1963 г. Сукарно критиковал руководство ОФНЕ за «насакомофобию»⁹, имея в виду все отчетливо проявляющиеся антикоммунистические тенденции в высказываниях и деятельности отдельных руководителей ОФНЕ. Тут же Сукарно поручил первому министру по особым вопросам разъяснить руководству ОФНЕ опасные последствия подобной политики [33, с. 60].

Год спустя, выступая по случаю 19-й годовщины индонезийской независимости, президент подверг резкой критике деятельность ОФНЕ и пригрозил пересмотреть ее структуру путем «насакомизации» ее руководства. Он подчеркнул, что все *суку*, включая перанаканов и лиц иностранного происхождения, должны быть объединены в единую нацию посредством как интеграции, так и ассимиляции [33, с. 60]. Признание Сукарно интеграции в качестве одного из путей решения национального вопроса было явной уступкой противникам ассимиляции и определенно свидетельствовало об усилении позиций Баперки и левых сил в целом. Руководство ОФНЕ, в свою очередь, сразу же признало, что интеграция является одной из трех ступеней ассимиляции (адаптация, интеграция и идентификация) [33, с. 59].

Весной 1963 г. в самый разгар «китайской» кампании (приезд Лю Шаоци, конференция ассимиляционистов и создание ОСНЕ, съезд Баперки и т. п.) на Западной Яве прокатилась волна антикитайских выступлений, получившая название «Движение 10 мая». Только лишь в западнояванском городе Сукабуми в результате антикитайских действий было убито 4 человека и ранено 8, сожжено 75 магазинов и домов, 24 рыночных киоска, разрушено 42 фабрики, разграблено свыше 700 домов. Ущерб, по данным официальных источников, составил 2,5 млрд. рупий (около 7—8 млн. амер. долл.) [33, с. 14]. По мнению Ч. Коппела, антикитайские выступления были связаны с пропагандистской деятельностью групп ОСНЕ в пользу

⁹ Насак ом — от «насоналис», «агама» (религия), «комунис» — лозунг единства трех основных политических сил Индонезии, выдвинутый Сукарно [62].

ассимиляции в городах Западной Явы [33, с. 57]. Авторы доклада правительству о причинах «Движения 10 мая» называют в числе основных причин политические и психологические [38, с. 21]. Австралийский исследователь Макки, в целом разделяя точку зрения о том, что «Движение» было инспирировано правыми силами, указывает, что организаторами антикитайских выступлений могли быть запрещенные законом политические партии — мусульманская Машуми или ПСИ (Социалистическая партия Индонезии), антисукарновские и антикоммунистические силы, включая армейских офицеров, мусульманская буржуазия, стремившаяся устранить китайских конкурентов [46, с. 106].

Баперки в союзе с левыми силами организовал Комитет по оказанию помощи жертвам контрреволюции с целью сбора средств для пострадавших и наказания виновных. Левая печать обвинила активистов ОСНЕ в ответственности за антикитайские выступления, указав, что, пропагандируя ассимиляцию, работники ОСНЕ тем самым подготовили почву для расистов, использовавших «экономическую ассимиляцию» в качестве оправдания своих акций [33, с. 57].

В связи с провозглашением ассимиляции государственной политикой и образованием ОФНЕ в качестве инструмента проведения этой политики руководство Баперки вынуждено было изменить свою тактическую линию. Показывая лояльность политике формирования национального единства, Сяо Гиок Чан в июле 1963 г. возглавил церемонию, на которой шесть тысяч учащихся и студентов из Баперки «интегрировались» в левую молодежную и студенческую организацию Икатан Пемуда Пеладжар Индонезия — ИППИ [32]. Наряду с этим лидеры Баперки последовательно критиковали ОФНЕ за антинасакомовскую политику. В свою очередь, Синдуната и другие ключевые фигуры ОФНЕ обвиняли Баперки в проведении политики «обособленности». Так, в ноябре 1963 г. исполняющий обязанности главы ОФНЕ направил некоторым министрам правительства письмо с просьбой рассмотреть самым тщательным образом деятельность Баперки. Он обращал внимание членов правительства на то, что Баперки действует исключительно в интересах индонезийских граждан китайского происхождения и по существу является организацией «обособленной», что, не являясь политической партией, Баперки проводит политику, адекватную политике некоторых политических партий, что Баперки в принципе против ассимиляции и таким образом противодействует национальному единству. В ответ на этот демарш Синдунаты президент Сукарно в декабре 1963 г. вводит в состав правительства вице-председателя Баперки Уй Чжу Тата [33, с. 59].

На состоявшемся в августе 1964 г. IX конгрессе Баперки делегаты приветствовали критику Сукарно в адрес ОФНЕ (в речи 17 августа 1964 г.), говорили о необходимости насакомиза-

ции руководства ОФНЕ, призывали президента взять под личный контроль деятельность ОФНЕ, а повседневное руководство этой организацией поручить президиуму кабинета [33, с. 60]. Конгресс продемонстрировал прочность позиций Баперки внутри китайского меньшинства, сплоченность китайцев вокруг руководства Баперки. Конгресс показал также тесную связь лидеров Баперки с ближайшим окружением президента. Поддержка Баперки состоятельными кругами китайской общины делала его финансово независимым и сильным по сравнению с другими индонезийскими политическими партиями и общественными организациями. Сотрудничество с левыми силами Индонезии повышало авторитет Баперки среди индонезийских китайцев и прогрессивных политических кругов страны. Упрочению положения Баперки и усилению его влияния на ближайших помощников Сукарно содействовали дальнейшее сближение Индонезии и КНР и та роль, которую играло руководство Баперки в этом процессе.

Таким образом, в силу ряда объективных и субъективных причин к сентябрю 1965 г. позиции Баперки внутри китайского национального меньшинства значительно упрочились. Возросло его влияние и на политическую жизнь страны, особенно в связи с дальнейшим сближением руководства Индонезии и КНР.

Лидеры ОФНЕ, уступив в противоборстве с Баперки, сосредоточили свои основные усилия на организации отделений ОФНЕ на местах. В 1964—1965 гг. почти во всех провинциях и крупных городах Индонезии были созданы филиалы ОФНЕ. «События 30 сентября», круто изменившие политическое развитие страны и положившие конец «направляемой демократии», привели к разгрому Баперки и временному возвышению ОФНЕ — Организации по формированию национального единства, за спиной которой стояли правые круги индонезийской армии и крупной китайской буржуазии, стремившиеся через «политику ассимиляции» не только сохранить, но и усилить свои позиции.

Литература

1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3.
2. Алешин Ю. А. Происки Пекина в Индонезии.— «Проблемы Дальнего Востока». 1974, № 3.
3. Андреев М. А. Дипломатические маневры маоистов в Юго-Восточной Азии.— «Проблемы Дальнего Востока». 1974, № 3.
4. Андреев М. А. Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии. М., 1973.
5. Андреев А. Г. Индонезийское государство: проблема единства и автономии (1945—1965). М., 1974.
6. Андреев М. А. Китайский капитал в Юго-Восточной Азии.— «Народы Азии и Африки». 1968, № 2.

7. Андреев М. А. Ликвидация экономических позиций голландского империализма в Индонезии. М., 1962.
8. Архипов В. Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945—1968). М., 1971.
9. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
10. Игнатенко Г. В. Система представительных органов Китайской Народной Республики. М., 1959.
11. Малетин Н. П. Внешняя политика Индонезии (1945—1974). М., 1975.
12. Маретин Ю. В. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования.— «Третий мир»: стратегия развития и управление экономикой. М., 1971.
13. Маретин Ю. В. Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии.— Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М., 1972.
14. Маретин Ю. В. Индонезия.— Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
15. Мовчанюк П. М. Кампания за ассимиляцию китайского населения в Индонезии и образование Организации по формированию национального единства (начало 1960-х годов).— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., 1972.
16. Мовчанюк П. М. К характеристике положения китайского населения в колониальной Индонезии (20-е—30-е годы XX в.).— Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1975.
17. Мовчанюк П. М. Национальное единство Индонезии и трудности его формирования (на примере Сукабуми).— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., 1972.
18. Мовчанюк П. М. Некоторые особенности положения китайского населения на Сулавеси в первые годы независимости Индонезии (1946—1953).— Ученые записки ЛГУ. Л., 1977.
19. Мовчанюк П. М. Проблема китайского национального меньшинства в Индонезии в освещении современной западной буржуазной историографии.— Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX—XX вв.). Сборник научных статей. Л., 1976.
20. Мовчанюк П. М. Современная американская буржуазная историография о китайцах в Индонезии.— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., 1974.
21. Мовчанюк П. М. Современные индонезийские авторы о китайском меньшинстве в Индонезии.— Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IV. Л., 1975.
22. Мовчанюк П. М. «Союз индонезийских китайцев (1946—1953)».— Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1974.
23. Пахомова Л. Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1962.
24. Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.
25. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
26. Симония Н. А. Торгово-ростовщический капитал в Азии. М., 1973.
27. «Abadi», 26.XI.1959.
28. Amanat Presiden Sukarno pada Pembukaan Kongres Nasional ke-VIII BAPERKI. Djakarta, 1963.
29. Assimilasi dalam rangka Pembinaan Kesatuan Bangsa, Departamen Penerangan Republik Indonesia, Penerbitan Khusus № 259. Djakarta, 1963.
30. Assimilasi dalam rangka Pembinaan Kesatuan Bangsa (Tjetakan kedua disempurnakan), Departamen Penerangan Republik Indonesia, Penerbitan Khusus, № 326. Djakarta, 1964.
31. Berita Baperki Nomor Kongres Se-Indonesia ke-VIII. Djakarta, 1963.

32. «Bintang Timur», 23.VII.1963.
33. Coppel Ch. Patterns of Chinese Political Activity in Indonesia.— The Chinese in Indonesia. Ed. by J. A. C. Mackie. Hong Kong, 1976.
34. Dewey A. Peasant Marketing in Java. N. Y., 1962.
35. Far Eastern Economic Review. Hongkong, October 1955.
36. Feith H. Indonesia.— G. M. T. Kahin (ed.). Governments and Politics of Southeast Asia (2nd ed.). N. Y., 1965.
- 36a. «Forta». Jakarta, 1981, № 1.
37. Geertz C. The Social History of an Indonesian Town. Cambridge, 1965.
38. Gerakan 10 Mei 1963 di Sukabumi. Bandung, 1963.
39. Giok Lan Tan. The Chinese of Sukabumi. N. Y., 1963.
40. Hasil Pemilihan Umum 1955. Djakarta, 1955.
41. Ketetapan Menteri Agama № 1. 1959.— «Berita Negara». 1961, № 57.
42. Ketetapan Presiden № 149, 1959.— «Tambahan Lembaran Negara». 1959, № 1916.
43. Ketetapan Presiden № 184, 1960.— «Lembaran Negara». 1960, № 85.
44. Ketetapan Presiden № 238, 1961.— «Berita Negara». 1961, № 85.
45. Lahirnja Konsepsi Assimilasi. Djakarta, 1962.
46. Mackie J. A. C. Anti-Chinese Outbreaks in Indonesia.— The Chinese in Indonesia. Hong Kong, 1976.
47. Mackie J. A. C., Coppel Ch. A Preliminary Survey.— The Chinese in Indonesia. Hong Kong, 1976.
48. Manifesto Politik Republik Indonesia, Departamen Penerangan Republik Indonesia. Djakarta, 1959.
49. Membangun Ekonomi Nasional.— Nomor Istimewa Berita Baperki. Desember 1954.
50. Penetapan Pemerintah № 10, 1959.— «Lembaran Negara». 1959, № 20.
51. Penetapan Perdana Menteri № 012, 1957.— «Berita Negara». 1957, № 60.
52. Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
53. Republik Indonesia. Propinsi Djawa Barat. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
54. Republik Indonesia. Propinsi. Djawa Timur. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
55. Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Utara. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
56. Siauw Giok Tjan. Baperki supaya mendjadi sumbangan besar terhadap revolusi Indonesia. Djakarta, 1962.
57. «Sinar Harapan», 10 July 1976.
58. Skinner G. W. The Chinese Minority.— Indonesia. Ed. by McVey. New Haven, 1963.
59. Soal orang-orang Tionghoa warganegara RRT.— «Abadi», 26.XI.1959.
60. Somers M. F. Interim Report on «Peranakan Chinese Politics in Indonesia». Ithaca, 1964.
61. «Star Weekly», 16, 30.IV; 21.V.1960.
62. Sukarno. Gotong Rojong Nasakom untuk melaksanakan Ampera. Deppen, Penerbitan Khusus № 255. Djakarta, 1963.
63. Sumitro Djojohadikusumo. Persoalan Ekonomi di Indonesia. Djakarta, 1953.
64. Surat Keputusan Bersama Menteri Perindustrian dan Menteri Perdagangan (№ 2077/M Perindustrian, № 2340/M. Perdagangan), 3 September 1957.— «Abadi». 26.XI.1959.
65. Surat Menteri Perdagangan kepada Menteri Utama Bidang Eku, № 353, M/XI/1966/Perihal PP/10/1959, 28 November 1966, Departamen Perdagangan.
66. Tabrani M. Soal Minoritet dalam Indonesia Merdeka. Djakarta, 1950.
67. Thomas K. D., Panglaikim J. The Chinese in the South Sumatran Rubber Industry: a Case Study in Economic Nationalism.— The Chinese in Indonesia. Ed. by J. A. C. Mackie. Hong Kong, 1976.

68. Tur P. A. Hoa Kiau di Indonesia. Djakarta, 1960.
69. Undang-undang № 2. 1958.— «Lembaran Negara». 1958, № 135.
70. Undang-undang Darurat № 9. 1953.— «Lembaran Negara». 1953, № 64.
71. Volkstelling 1930. Batavia, 1933, deel VIII.
72. Willmott D. The Chinese of Semarang: A Changing Minority Community in Indonesia. Ithaca, 1960.
73. Willmott O. The National Status of the Chinese in Indonesia 1900—1958. Ithaca, 1961.